

А.Ю. ЗУДИН

Бизнес и государство в России: опыт применения подхода Норта–Уоллиса–Вайнгаста

Статья 1. Этапы развития российских бизнес-ассоциаций*

Автор, используя предложенные Д. Нортом и его коллегами принципы разделения порядков открытого и ограниченного доступов, исследует процессы в отечественной экономике. Предметом его анализа стали бизнес-ассоциации. В первой статье основной упор делается на описании процесса развития этого института в современной России: в начале 1990-х гг., во второй их половине, в 2000-х гг. (до и после “дела ЮКОСа”), наконец, на современном этапе.

Ключевые слова: экономика России, бизнес-ассоциации, порядок открытого доступа, порядок ограниченного доступа.

By using the principles of separation of the opening and the limited access proposed by D. North and his colleagues the author explores processes in Russian economy. The subject of his analysis is business associations. The first article focuses on the description of the development of this institution in Russia in early and the second half of 1990-s and in the 2000-s (before and after the “Yukos affair”), and finally, at the present stage.

Keywords: Russia’s economy, business associations, the order of open access, the order of restricted access.

Развитие бизнес-ассоциаций как частный случай исторической динамики организаций

В последних работах Д. Норта организации наряду с институтами стали рассматриваться в качестве составной части “социального порядка” [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011; Норт... 2012]. Под организациями понимаются все известные к настоящему времени типы формальных организаций – частные фирмы, государственные учреждения, общественные объединения и т.д. Думаю, эволюция качества организаций (двух основных ее типов – государственных и частных) отличается самостоятельной динамикой и должна рассматриваться как важная часть институционального развития. Исторический вектор этой динамики проходит от социальных порядков “ограниченного

* В статье использованы результаты работы над проектом “Коллективные действия фирм: компенсация провалов государства и рынка или поиск ренты (на примере деятельности бизнес-ассоциаций)”, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ–ВШЭ 2012 г.

доступа” (ПОД) к социальным порядкам “открытого (свободного) доступа” (ПСД) и предполагает укрепление и усложнение институтов, то есть институционализацию, включая институционализацию организаций. В терминах подхода, предложенного Норта, Уоллесом и Вайнгастом, институционализация организаций означает переход от персоналистских, тесно связанных с государством и относительно недолговечных организаций, к организациям “безличным” и “бессрочным”, а также отделение и автономии частных организаций от государственных. Историческое развитие организаций рассматривается как составная часть движения к “безличным” отношениям обмена, превращения “привилегий” (личных и групповых) в универсальные права через деперсонализацию и обретение устойчивости во времени.

Бизнес-ассоциации, а также их роль во взаимодействии между предприятиями и государством, могут представлять интерес не только для теорий “среднего” уровня в институциональной экономике, социологии и политической науке, но и для “большой” институциональной теории. Развитие бизнес-ассоциаций можно рассматривать как частный случай динамики организаций в подходе Норта–Уоллиса–Вайнгаста. Но чтобы сделать возможным концептуализацию развития бизнес-ассоциаций в терминах, описывающих переход от социальных порядков первого типа к социальному порядку второго типа (для ПСД авторы пользуются единственным числом), необходимо ввести ряд промежуточных понятий (категорий). Прежде всего потребуется более точное определение содержания понятия “социальный порядок”. В работах Норта и его коллег четко выделены две его центральных составляющих – институты и организации. Динамика, связанная с развитием взаимоотношений внутри каждой из составляющих, а также взаимодействий между ними, понятийно не обозначена. Целесообразно заполнить этот пробел.

В итоге дифференцированная характеристика социального порядка будет выглядеть следующим образом: “институциональный порядок” + “организационный порядок” + “порядок взаимодействия” (координации). Первое понятие описывает совокупность формальных и неформальных институтов, второе – формальных и неформальных организаций. Внутри “организационного порядка” можно выделить два сектора – государственных организаций и частных организаций. Понятие “порядок взаимодействия” (координации) описывает взаимоотношения как внутри каждого из двух секторов “организационного порядка”, так и между ними и включает стратегии трех типов: соперничество, сотрудничество и переговоры. Концептуализация отношений между организациями различных типов позволяет реконструировать стратегии государства и бизнеса и сделать их предметом анализа.

В полной мере дифференцированная характеристика социального порядка применима лишь к ПСД. Различия между государственными и частными организациями в ПОД весьма условны, точно так же недостаточно четким будет и разделение на институты и организации. Характерный для ПОД “организационный порядок” со слабыми институтами в значительной степени поглощается “порядком взаимодействия”: не удастся создавать устойчивые организации, соглашения – фиксировать надолго и надежным способом, равновесие постоянно нарушается, стратегии соперничества и сотрудничества не столько чередуются, сколько переплетаются, а переговоры фактически идут постоянно. Ярким воплощением неустойчивого “порядка взаимодействия” становится “правящая коалиция”, которая в ПОД отчасти представляет, а отчасти замещает государство, но долгое время оказывается не способна им стать. Применительно к ПОД, скорее, можно говорить лишь о “протоинститутах” и “протоорганизациях”, контуры которых постоянно меняются в ходе бесконечных взаимодействий.

Одним из показателей динамики протоорганизаций в ПОД становится глубина специализации, то есть обособления друг от друга трех типов организаций: связанных с государственным управлением (обеспечением реализации постоянных функций государства), частных экономических организаций (занятых хозяйственной деятельностью на рынке) и политических организаций. Завершение специализации будет означать обретение государственными организациями и частными экономическими

организациями взаимной автономии, а ПОД, в который они включены, – признаков перехода в “зрелое” состояние. В свою очередь, мера зрелости ПОД будет различаться, в том числе и в зависимости от того, в какой замещение государства правящей коалицией превращается в представительство государства. В “хрупком” ПОД господствующая коалиция замещает государство, в “зрелой” версии ПОД по мере укрепления протоинститутов и протоорганизаций она начинает представлять государство.

Определяющим для российской версии ПОД выступает возвращение государства, по крайней мере частичное, в состояние “правящей коалиции”. (Выяснение степени совпадения “государства” с “правящей коалицией” – предмет отдельной дискуссии.) После 1991 г. идет деградация государственных организаций, унаследованных от СССР. Старые организации с трудом интегрируются в новое государство, этот процесс сопровождается их частичной коммерциализацией (Министерство обороны, МИД, МВД, отчасти – ФСБ приобретают непрофильные коммерческие функции) и трансформацией в патронажно-клиентельные образования. Новые государственные организации, не имевшие советских аналогов и создававшиеся в результате институционального импорта, испытывали влияние со стороны старых образцов. Развитие новых государственных организаций также проходило под знаком коммерциализации и приобретения патронажно-клиентельных характеристик. Граница между государственными и частными организациями остается нечеткой. В регионах и в федеральном центре нередок полный или частичный “захват” государственных организаций набирающими силу частными интересами, который затем сменяется практикой “захвата” частных организаций государственными.

Затянувшееся разделение “государственных” организаций в современном смысле (то есть занятых обеспечением реализации функций государственного управления) и “частных” организаций (то есть занятых хозяйственной деятельностью на рынке) приводит к тому, что определенная часть российских бизнес-ассоциаций, объединяющих частные предприятия, оказывается тесно связана с государством, особенно на начальной стадии трансформации. Отсутствие четкой границы между государственными и частными организациями переплетается с незавершенным организационным обособлением работодателей и наемных работников. В российские бизнес-ассоциации некоторые крупные компании в течение длительного времени входили вместе с трудовыми коллективами своих предприятий (прямой запрет такой практики появился совсем недавно).

После адаптации подхода Норта–Уоллиса–Вайнгаста к анализу динамики организаций определенного класса, движение от ПОД к ПСД предстает как постепенное повышение удельного веса институтов (часть отношений изымается из сферы постоянного взаимодействия), изменение состава участников взаимодействий, а также форм отношений между ними. С течением времени помимо частных лиц и образований, от них производных (персоналистские организации), участником взаимодействий становятся “обезличенные” (или “зрелые”) организации: вневременное, независимое от личности первого лица и партикулярных интересов государство (“организация организаций” вместо правящей коалиции патронов), с одной стороны, и с другой – безличные, вневременные и независимые частные организации различной “сложности”, включая их объединения (вместо персоналистских и зависимых от государства). По мере приближения ПОД к “зрелой” стадии и переходу в “пороговое” состояние, делающее возможным трансформацию в ПСД, происходит дифференциация “правящей коалиции”, содержавшей внутри себя протоинституты и протоорганизации как свои составные части. Выделяются две разновидности устойчивых и долговременных типов соглашений: полноценные “институты” и полноценные “организации”. Социальный порядок “свободного доступа” складывается из трех взаимосвязанных, но автономных частей: “институционального порядка”, “организационного порядка” и сократившегося в масштабах и видоизменившегося нового (или современного) “порядка взаимодействий”.

Применение подхода Норта–Уоллиса–Вайнгаста к сравнительному анализу развития российских бизнес-ассоциаций представляется оправданным и актуальным. Бизнес-ассоциация – один из примеров институтов (организаций), который присутствует в ПСД и с недавнего времени появился в российской версии ПОД, в значительной мере – в результате институционального экспорта. На примере бизнес-ассоциаций появляется возможность проверить, в какой мере теоретические представления о динамике развития частных организаций в ПОД, сформулированные Нортом и его коллегами, получают подтверждение на российском материале. В виде тезисов эти представления можно изложить следующим образом:

– ПОД не остается неизменным, тут происходит определенная динамика, источником которой в части случаев выступает государство (“правящая коалиция”);

– государственные и частные организации развиваются через тесное взаимодействие друг с другом;

– государственные организации могут быть заинтересованы в создании и усилении частных организаций (возможная причина: снижение транзакционных издержек и издержек на координацию);

– после возникновения ПСД начинает оказывать существенное влияние на динамику в ПОД;

– институты и организации, импортированные из ПСД в ПОД, в странах приема часто ведут себя иначе, чем в странах происхождения.

Наконец, в работах Норта и его коллег формулируются важные показатели “зрелости” (устойчивости) организаций: мера деперсонализации (независимости от лидера) и степень автономии от государства. Эти показатели также можно использовать.

Применение подхода Норта–Уоллиса–Вайнгаста в настоящем исследовании дает возможность: проследить, в какой мере институциональное развитие российских бизнес-ассоциаций совпадает с траекторией развития, предполагающей постепенный переход от персоналистских и неустойчивых во времени организаций к организациям “безличным” и вневременным; определить, в какой мере отношения между государственными организациями и частными организациями соответствуют патронажно-клиентельной модели, свойственной ПОД, а также установить, в какой мере отношения государства с бизнесом движутся от взаимодействий с конкретными людьми и “простыми” частными организациями (предприятия, фирмы) к взаимодействию со “сложными” частными организациями – бизнес-ассоциациями и объединениями бизнес-ассоциаций (“ассоциации ассоциаций”).

Исходный этап трансформации социального порядка (1990–1991 гг.)

ПОД, утвердившийся в России на начальной стадии трансформации, в терминах подхода Норта–Уоллиса–Вайнгаста можно квалифицировать как неустойчивый или “хрупкий”. Предшествовавшую разновидность ПОД, существовавшую в СССР, есть основания определить как “зрелую”, но асимметричную (неполнота обусловлена отсутствием институтов легального рынка и целого класса частных организаций). Непосредственным результатом начальной стадии движения в сторону ПСД стала деградация: перевод ПОД из “зрелого” в “хрупкое” состояние¹.

На начальном этапе трансформации перспектива перехода к ПСД, начавшийся импорт новых образцов институтов, а также частных и государственных организаций (первый институциональный выбор 1990–1991 гг.) вызвал раскол элит и общества. Часть элит и значительная часть общества не приняли реализованный вариант перехода и продукты институционального импорта. Государство как “организация орга-

¹ Свидетельства эмигрантов, а также результаты зарубежных исследований дают основание предположить, что корни институциональной деградации уходят в позднесоветский период [Земцов, 1977; Grossman, 1977; Katsenelinboigen, 1977].

низаций” оказалось серьезно ослаблено. Возрождение частных организаций совпало по времени с деградацией государственных организаций. В значительной степени произошла редукция государства (как организации организаций) к состоянию, когда оно существует в форме “правящей коалиции”. Совокупность всех этих обстоятельств породила сильные стимулы к деинституционализации (деформализации) импортированных институтов и организаций. Начальная стадия развития государственных и частных организаций в России подтверждает тезис Норта–Уоллиса–Вайнгаста, согласно которому институты и организации, импортированные из ПСД, функционируют в ПОД часто по-другому, чем в странах происхождения.

“Правящая коалиция” возникает на начальном этапе трансформации как достаточно закрытое и узкое образование, включающее группы элиты, занимающие ведущие позиции в системе власти. Представители других групп элиты могут включаться в состав правящей коалиции в индивидуальном качестве и на вспомогательных ролях. Первоначально возможность присоединения к ней ограничена серьезными барьерами: различиями, возникшими в результате раскола по поводу трансформации (первый институциональный выбор 1990–1991 гг.), и способом внутренней организации (конгломерат персоналистских клик с центром в лице персоналистского лидера). Большая часть старой элиты (включая силовиков) остается за бортом правящей коалиции. Впоследствии правящая коалиция начинает активно ассимилировать основные отряды старой элиты, присутствие силовиков расширяется, однако до конца 1990-х гг. им так и не удается восстановить свой “государственно-образующий” статус. Правящая коалиция, появляющаяся на начальном этапе трансформации, по своим характеристикам вполне соответствует описанию Норта–Уоллиса–Вайнгаста.

Слабость государства и раскол элит помешали наладить ротацию власти: в этих условиях перспектива ротации увеличивала до неприемлемого уровня риски для групп, находящихся у власти. В свою очередь, отсутствие ротации в сочетании со слабостью государства воспрепятствовали созданию стимулов для принципиального разделения государственных и частных организаций. Результатом соединения деградирующих государственных организаций и возрождающихся частных организаций стало возникновение неопатримониальной бюрократии². Происходит коммерциализация и частичная приватизация аппарата государственного управления “инсайдерами”: административные должности превращаются в инструмент личного обогащения, начинают восприниматься как разновидность собственности, возникают “рынки должностей”. Неопатримониализм закрепляет отсутствие четкой границы между государственными и частными организациями. Появление неопатримониальной бюрократии – симптом, что ПОД перешел в неустойчивое, “хрупкое” состояние. Неопатримониальные практики проникают во все группы элиты, но центром становится федеральная и региональная административная элита, а местом концентрации – средний и низший уровень управления.

Деградация государственных организаций и возрождение после длительного отсутствия частных организаций увеличили масштабы неконтролируемого насилия. Насилие используется частными организациями друг против друга, против представителей государственных организаций, а государственными организациями – против частных. Насилие выходит из-под контроля государства (одна из причин – деградация и маргинализация силовых элит): происходит его приватизация и снижение уровня ор-

² Концепция неопатримониализма давно используется в научной литературе, чаще всего как одна из обобщающих характеристик авторитарных режимов в развивающихся странах, где правление осуществляется не на основе закона, а с опорой на неформальные практики. В последнее время была предложена новая операционализация этого понятия. В современной трактовке неопатримониализм понимается в более узком, “техническом” смысле как совокупность персоналистских государственно-частных образований, в которых “принципал” в лице государства по разным причинам утратил или не смог установить эффективный контроль над “агентами” в лице государственных служащих, в результате чего “агенты” начинают действовать преимущественно в собственных партикуляристских интересах [Hensell, 2010]. Новый подход предполагает, что неопатримониальные практики распространены неравномерно в системе государственного управления и необязательно выступают как исчерпывающая характеристика политического режима в целом.

ганизации. Увеличивается удельный вес хаотичного и персонализированного насилия; его инициаторами все чаще становятся отдельные частные лица или представители неформальных сетей; резко увеличивается удельный вес криминального насилия.

“Хрупкая” версия ПОД, утвердившегося в России на начальном этапе трансформации, демонстрирует определенную динамику с точки зрения места, которое занимают в нем организации, включая взаимодействие между “государственными” и “частными” организациями. Эта динамика определяется присутствием двух разнонаправленных тенденций – деинституционализации (“деформализация правил”), одним из воплощений которой становится неопатримониальная бюрократия, и институционализации, составной частью которой выступает развитие “сложных” частных организаций – бизнес-ассоциаций и объединений бизнес-ассоциаций (ассоциации ассоциаций) и перевод (по крайней мере, частичный) взаимоотношений государства и “сложных” частных организаций в относительно устойчивые институциональные формы. Проведенное исследование дает возможность уточнить источники и динамику каждой из этих тенденций применительно к определенному классу частных организаций (бизнес-ассоциациям) и отношениям между государством и частными организациями.

Исходное положение частных организаций (бизнеса) в составе правящей коалиции отличается повышенной неустойчивостью. На начальном этапе трансформации утверждаются иерархические отношения между государственными и частными организациями. В России государство (точнее, действующая от его лица правящая коалиция) – такой же “строитель рынка”, как в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и в Китае. Точно так же иерархические отношения между государственными и частными организациями возникают в России в результате отсутствия бизнеса в политических коалициях, ставших инициаторами перемен, а также институционального наследования. Бизнес – одна из новых социальных групп, возникающих в ходе трансформации почти “с нуля” и органически связанных с новым социальным порядком. На начальном этапе частные организации оказываются политическими клиентами государственных организаций. В федеральном Центре и в регионах наиболее распространенной формой отношений между административной и политической элитами, с одной стороны, и бизнесом – с другой, становится патронажно-клиентельная модель. Данная характеристика российской версии ПОД также соответствует тезисам Норта–Уоллиса–Вайнгаста.

Сравнительный анализ показывает неравномерность динамики частных и государственных организаций, которая обнаруживается уже в 1990-е гг. Государственные организации развиваются замедленно. Помимо особенностей государства как “всеобъемлющей” “организации организаций”, которая вынуждает решать задачи повышенной сложности, развитие государственных организаций сталкивается с дополнительными препятствиями. Принятие Конституции 1993 г. (второй институциональный выбор) приблизило институциональные основы российских ПОД к образцам ПСД и оказало позитивное влияние на развитие государственных и частных организаций. Значительно снизилась неопределенность, началось становление формальных институтов, соответствующих современному государству и современной экономике. Модернизация институциональных основ российских ПОД позволила устранить противоречия между формальными институтами, которые были характерны для предшествующей стадии развития ПОД (1991–1993 гг.).

В то же время приближение институциональных основ российского ПОД к образцам ПСД было осуществлено во многом за счет импорта. Результатом стало возникновение новых противоречий между современными формальными институтами и старыми неформальными институтами и соответствующими им практиками. Эти противоречия рождают тенденцию деформализации, которая в дальнейшем сопровождает институциональное развитие (В. Радаев [Radaev, 2005]). Институциональная модернизация посредством импорта породила и другие проблемы. Развитие государственных организаций затрудняется расширением расколов, вызванных вторым институциональным выбором (1993 г.), сомнениями в необратимости разрыва со “старым

порядком” (до середины 1990-х гг.), а также тем обстоятельством, что политическая перспектива, побудившая часть элит к первому институциональному выбору (“Россия станет частью Запада”, 1991 г.), начинает утрачивать свою убедительность во второй половине 1990-х гг.

Время первых бизнес-ассоциаций (1991–1993 гг.)

Частные организации развиваются более динамично. В течение всего периода трансформации взаимодействие частных предприятий между собой, а также их взаимодействие с государством стимулирует создание более “сложных” частных организаций – бизнес-ассоциаций и объединений бизнес-ассоциаций. Создание бизнес-ассоциаций осуществляется по двум моделям: “восходящей” как составной части повышения доверия между фирмами (Радаев [Radaev, 2005]) и “нисходящей” – по инициативе бывших и действующих агентов государства [Система... 1997].

В начальный период развития (1991–1993 гг.) российские бизнес-ассоциации отличаются крайние формы персонализма, немногочисленность, высокая конфликтность и политизация. Поведение многих ранних бизнес-ассоциаций направляется “логикой влияния”: они ориентируются преимущественно на политическое действие, но в большинстве своем оказываются не способны добиться реального влияния. Сравнительный анализ показывает, что российские бизнес-ассоциации в этот период типологически сближаются со своими аналогами в странах ЦВЕ. Начальный период развития российских бизнес-ассоциаций служит хорошей иллюстрацией тезиса Норта–Уоллиса–Вайнгаста, согласно которому институты и организации, импортированные из ПСД в ПОД, в странах приема часто ведут себя иначе, чем в странах происхождения.

Поворот к “нормализации” бизнес-ассоциаций: первая стадия институционализации (1994–1999 гг.)

Модернизация институциональных основ российского ПОД (Конституция 1993 г.) позитивно повлияла на развитие частных организаций. После выборов 1993 г. в развитии российских бизнес-ассоциаций начинается деполитизация: они отказываются от попыток подмены политических партий (прямого участия в выборах) и сосредотачиваются на выполнении профильных функций: обеспечении кооперации между предприятиями на рынке и координации взаимодействия с государством в качестве группы интересов. Удельный вес бизнес-ассоциаций, инициированных предприятиями и созданных по “восходящей” модели, начинает увеличиваться.

“Логика влияния” уравнивается “логикой членства”. Можно говорить о первой стадии институционализации российских бизнес-ассоциаций. Со второй половины 1990-х гг. они начинают типологически сближаться со своими аналогами в странах Запада. С определенной условностью можно говорить о “нормализации” бизнес-ассоциаций. Решающую роль в повороте российских бизнес-ассоциаций к “нормализации” сыграли институциональные факторы: модернизация широкой институциональной среды и сохранение исходного организационного образца (принцип добровольности при формировании организации).

К середине 1990-х гг. частные организации превращаются в реальную политическую силу и по объективным показателям начинают выходить из положения “клиентов”. Появляются первые признаки “структурной зависимости” государства от бизнеса, в различной степени свойственной всем рыночным системам. Возникает вопрос о включении наиболее влиятельных групп бизнеса в правящую коалицию в каких-то формах. Но интеграция элиты бизнеса в правящую коалицию осуществляется без привлечения существующих бизнес-ассоциаций. “Нормализованные” бизнес-ассоциации остаются на периферии отношений частных предприятий и государства. Руководители наиболее крупных бизнес-структур, как правило, не видят особого смысла в членстве

в бизнес-ассоциациях, в своих отношениях с чиновниками и политиками они полагаются на сложившиеся неформальные персоналистские сети.

За исключением двух наиболее крупных – Торгово-промышленной палаты (ТПП) и Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) – ассоциации, как правило, не признаются государством полноценными участниками отношений с бизнесом. Но даже это небольшое исключение подтверждает общее “правило”: в указанный период обе наиболее крупные бизнес-ассоциации отличаются высоким уровнем персонализма – подчинения политическим стратегиям своих “первых лиц”, ставших их “отцами-основателями” (С. Смирнов в ТПП и А. Вольский в РСПП). Отдельные чиновники и государственные организации также предпочитают взаимодействовать с предприятиями напрямую, в обход сформировавшихся бизнес-ассоциаций. В качестве оптимальной формы поддержания отношений в составе господствующей коалиции и крупный бизнес, и представители государства делают выбор в пользу неформальных персоналистских сетей, усматривая в привлечении бизнес-ассоциаций лишь перспективу увеличения издержек. В регионах и наиболее крупных городах предпринимательство достаточно рано опознается как высокоресурсная группа, которую необходимо держать под политическим контролем. “Советы директоров” и “советы по предпринимательству”, которые начинают создаваться при органах власти в регионах с начала 1990-х гг., представляют собой слабоинституционализированные сети персоналистских связей, построенные по патронажно-клиентельному принципу.

Использование персоналистских неформальных сетей для прямого включения узкой группы экономической элиты в состав правящей коалиции – первая по времени стратегия управления ресурсной зависимостью от бизнеса, к которой прибегает государство. Персоналистские неформальные сети заведомо ограничивают круг включенных в правящую коалицию отдельными, особенно крупными бизнес-структурами, опознающимися представителями государства как более надежные. Можно предположить, что за счет резкого ограничения размеров привилегированной группы и поддержания персоналистских и неформальных связей с ее представителями лидеры правящей коалиции стремились сохранить иерархию в отношениях государства и бизнеса.

После президентских выборов 1996 г. узкая группа новой экономической элиты занимает привилегированные позиции в верхах правящей коалиции. Новый участник коалиции демонстрирует неспособность к внутренней координации и плохую совместимость с другими участниками, прежде всего со старыми элитами, в том числе силовиков. Включение бизнес-элиты порождает новые внутренние конфликты в верхах правящей коалиции.

К концу 1990-х гг. баланс в отношениях бизнеса с государством, выстроенных на основе неформальных персоналистских связей, начинает меняться. В верхах правящей коалиции возникает угроза иерархическому типу отношений между государственными и частными организациями. В федеральном Центре в отношениях государства и бизнеса появляются элементы модели “захвата государства”, связанные с деятельностью привилегированной узкой группы (“олигархи”), а в отдельных регионах эта модель становится реальностью. Попытка интеграции “олигархов” становится одной из причин дезорганизации и распада правящей коалиции.

Признание государством: вторая стадия институционализации (2000–2003 гг.)

В начале 2000-х гг. “хрупкий” российский ПОД переходит в новое состояние. Государство по-прежнему в значительной степени совпадает с “правящей коалицией”. Но периодические ее реорганизации начинают подчиняться новому ритму, обусловленному функционированием институтов. В отличие от 1990-х гг. все реорганизации 2000-х гг. связаны с движением электорального цикла. (Реорганизация правящей коалиции в 1993 г. сопровождалась использованием силовых стратегий, а в 1998–1999 гг. стала результатом сочетания противоречий в верхах и воздействия экономического

кризиса.) Институциональная обусловленность придает устойчивость новому макрополитическому равновесию. Каждая новая реорганизация сопровождается повышением консолидации правящей коалиции, хотя применительно к последней реорганизации, которая еще не завершилась, окончательную оценку давать рано.

Реорганизация в 2000–2003 гг. запускает постепенной консолидации правящей коалиции вокруг нового сильного лидера. Важной опорой правящей коалиции в элитах на этапе консолидации становятся силовые элиты, которым удается частично восстановить контроль над насилием, и неопатримониальная бюрократия. Другие участники коалиции представлены фракциями элит, ориентированных на специализацию и не принимающих неопатрионимализм. Новая правящая коалиция сохраняет определенную преемственность со старой: в ее составе по-прежнему присутствуют немногочисленные, но влиятельные группы элиты либерально-западнической ориентации. Клиентами правящей коалиции выступают массовые категории избирателей. Главные противники обновленной правящей коалиции на этапе консолидации – группы элиты, занимавшие ведущее положение в правящей коалиции в предыдущий период развития ПОД (региональные лидеры и бизнес-элита второй половины 1990-х гг.).

Реорганизация меняет не только состав, но и структуру правящей коалиции: персоналистский лидер расширяет независимость от остальных групп элиты, включенных в коалицию. Основу автономии лидера образуют привилегированные отношения с силовыми элитами, заново наделяющимися статусом “государственно-образующих”, и прямая опора на массовые категории избирателей, отношения с которыми отчасти могут быть квалифицированы как патронажно-клиентельные (поддержка в обмен на помощь), отчасти носят черты “длинного” (но не бессрочного) контракта. В этой части общества персоналистский лидер воспринимается как символическое замещение деградировавшего (и недееспособного) государства и воплощает надежду на его восстановление. Политическая сила лидера, опирающегося непосредственно на массовые категории избирателей, становится главным политическим ресурсом правящей коалиции.

Изменившееся положение наделяет нового лидера вместе с немногочисленным непосредственным окружением (“команда”) свойствами “суперэлиты”: по своим возможностям, мотивам и целям она заметно отличается от других групп элит. Важную роль в ее формировании играет “институциональное наследование”: высокая утилитарная и символическая значимость места “центра” в составе коалиции. Заинтересованность в макрополитическом равновесии, повышенная роль “государственно-образующих” элит (силовики), чувствительность к геополитическим вызовам и заинтересованность в новой убедительной политической перспективе наделяют суперэлиты способностью принимать стратегические решения. Сокращение реальной политической конкуренции внутри страны компенсируется масштабной включенностью суперэлиты в глобальную конкуренцию. Повышенное ощущение уязвимости, связанное с рисками незавершенной консолидации “территориального государства”, а также вовлеченность в соперничество на глобальном уровне порождают устойчивый запрос сверху на модернизацию страны.

Положение неопатримониальной бюрократии в правящей коалиции противоречиво. Широкое присутствие в ней силовиков позволяет снизить масштабы неконтролируемого насилия (поддержание элементарного порядка). В российской версии “хрупкого” ПОД неопатримониальная бюрократия становится одним из держателей равновесия внутри ПОД и наиболее массовым получателем ренты. В то же время неопатрионимализм опознается суперэлитой в качестве препятствия для развития. В период консолидации лидеры правящей коалиции воздерживаются от усиления контроля над неопатримониальной бюрократией. Институциональные решения чаще направлены на укрепление независимости государственных организаций (министерств и ведомств) от частных предприятий и гораздо реже преследуют цель укрепить независимость частных организаций от государственных.

Консолидация господствующей коалиции (2000–2003 гг.) сопровождается изменением отношений между государством и бизнесом. Происходит масштабная реорганизация отношений с частными организациями всех типов – частными предприятиями, бизнес-ассоциациями и “ассоциациями ассоциаций”. Восстанавливается иерархия во взаимоотношениях государства с частными организациями. Реорганизация отношений с бизнесом разворачивается на двух направлениях. На первом государство при помощи принуждения и угрозы применения силы ограничивает силу отдельных частных предприятий, восстанавливает прямой и косвенный контроль над частью других частных и полугосударственных предприятий и создает стимулы для институционализации всего этого класса частных организаций. Предпринимаются меры по ограничению неопатримониальных практик (упрощение налогообложения, закон о техническом регулировании). В развитии частных предприятий в этот период определяющим становится поворот к институционализации [Радаев, 2001; Яковлев, 2006]. Динамика автономии организаций отличается равномерностью: во взаимоотношениях государственных и частных организаций начинает укрепляться взаимная независимость.

Вторым направлением становится стимулирование частных предприятий к включению в существующие бизнес-ассоциации, а также к созданию новых бизнес-ассоциаций. Частные предприятия побуждаются к созданию новых, более сложных частных организаций на принципах представительства. Для взаимодействия с фирмами лидеры правящей коалиции начинают привлекать сложившиеся бизнес-ассоциации (ТПП и РСПП), в ряде случаев реорганизуют их (РСПП и Деловая Россия), начинают поощрять создание новых ассоциаций (ОПОРа), а также распространение различных форм сетевой организации и сетевого взаимодействия (форумы).

В развитии отношений государства и бизнеса происходит поворот к институционализации: бизнес-ассоциации признаются в качестве важного посредника, консультации, которые ранее были эпизодическими, неформальными и персонализированными, переводятся в относительно четкие формальные рамки. Формируется “большая четверка” головных бизнес-ассоциаций (РСПП, ТПП, Деловая Россия и ОПОРа), вовлеченных в постоянные отношения с центральной властью. Начинается вторая стадия институционализации бизнес-ассоциаций. Отношения государства и бизнеса остаются иерархическими, бизнес-ассоциации и формализованные консультации встраиваются в восстановленную иерархию. Но по сравнению с предыдущим периодом показатели иерархии снижаются. Привлечение бизнес-ассоциаций и формализация консультаций позволяют резко расширить круг частных предприятий, приближенных к правящей коалиции. Бизнес-элита выходит из положения клиента, но участником правящей коалиции не становится и превращается в коллективного “младшего партнера” правящей коалиции. Институционализация бизнес-ассоциаций и формализация консультаций становятся важным шагом к деперсонализации отношений между государством и бизнесом. Институционализация частных организаций всех типов – вторая по времени стратегия государства по управлению ресурсной зависимостью от бизнеса.

В 2000–2003 гг. продолжается динамичное развитие отраслевых бизнес-ассоциаций и объединений предпринимателей в регионах. Бизнес-ассоциации в отраслях создаются в основном по “восходящей” модели, в отличие от бизнес-ассоциаций “большой четверки”, а также бизнес-ассоциаций в регионах, которые нередко развиваются по “нисходящей” модели (с активным участием государственных организаций). В этой части результаты исследования подтверждают тезис Нурта, что государственные организации могут быть заинтересованы в создании и усилении частных организаций.

Предположительно, причинами стимулирования бизнес-ассоциаций и “ассоциации ассоциаций” со стороны государства стала необходимость укрепления автономии государственных организаций от частных, а также сохранения иерархических отношений с бизнесом. Подключение в отношения с бизнесом ассоциаций как посредника позволяет государству добиваться сокращения транзакционных издержек и издержек на координацию, снижения коррупционных рисков, с которыми сопряжено прямое взаимодействие агентов государства и государственных организаций с частными

предприятиями, их владельцами и руководителями, централизации политического контроля над частными предприятиями, а также создавать благоприятные условия для выдвижения масштабных государственных проектов, реализация которых требует реорганизации (мотивов и целей) партнеров из числа частных предприятий.

Конкретные формы институционализации, определяющиеся лидерами правящей коалиции, позволяют по-новому защитить иерархию в отношениях государства и бизнеса. Самая сильная “головная” бизнес-ассоциация (РСПП) лишается права на представительство всего спектра частных предприятий: она уравнивается двумя другими “головными” ассоциациями (Деловая Россия, ОПОРа). Перспектива коллективных действий со стороны организованного бизнеса нейтрализуется за счет разведения ведущих ассоциаций по специализированным нишам (РСПП – крупный бизнес, Деловая Россия – средний бизнес, ОПОРа – малый бизнес). Создаются институциональные основы и для функциональной специализации объединений работодателей (закон об объединениях работодателей 2002 г.).

В 2000–2003 гг. распространение новых институциональных форм в отношениях государства и бизнеса ограничивается преимущественно федеральным Центром, хотя в отдельных случаях можно наблюдать попытки переноса аналогичных форм в регионы и муниципалитеты. Но в регионах подключение бизнеса в филиалы правящей коалиции по-прежнему преимущественно осуществляется на неформальной и персоналистской основе. Во многих случаях эти отношения сохраняются в рамках патронажно-клиентельной модели, когда частные предприятия – не участники или союзники, а клиенты правящей коалиции.

“Сотрудничество при дефиците доверия”: третья стадия институционализации (2004–2007 гг.)

В 2004–2007 гг. происходит новая реорганизация правящей коалиции: уровень консолидации повышается. Лидер коалиции становится политическим игроком “доминантного” типа. Центр консолидации расширяется: теперь это уже не только персоналистский лидер, но и тесно связанная с ним доминирующая партия, которая становится безальтернативной для представителей основных групп элиты, стремящихся к политической карьере, обретению политических связей (влияния) или покровительства. В федеральном Центре и регионах усиливается влияние административной элиты, как гражданской, так и силовой. Происходит бюрократизация политической элиты, региональная элита утрачивает автономию. Персоналистское сращивание административных, экономических и политических функций, которые широко распространены в правящей коалиции, усиливается. Преемственность с правящей коалицией предшествующего периода исчезает: группы элиты либерально-западнической ориентации лишаются самостоятельного политического представительства. Выходцы из этой группы сохраняются в составе правящей коалиции только в индивидуальном качестве.

Положение частных организаций в составе правящей коалиции также меняется. Судя по всему, “дело ЮКОСа” (безотносительно его фактической стороны) было воспринято лидерами правящей коалиции как новая попытка разрушить иерархию в отношениях государства и бизнеса. Новая консолидация правящей коалиции приводит к увеличению меры иерархии в отношениях государства и бизнеса. Частные организации фактически лишаются инструментов инфорсменты – возможности осуществления конфликтных стратегий в отношениях с государством. В продвижении интересов открытый лоббизм замещается консультациями. С началом “дела ЮКОСа” бизнес-элита фактически лишается статуса “младшего партнера” и по умолчанию начинает восприниматься как ресурс. Отношения государства и бизнеса становятся асимметричными, а институционализация частных организаций – разноскоростной.

В течение всего этого периода в динамике автономии организаций проявляется неравномерность: независимость государственных организаций от частных продолжает

укрепляться, а мера независимости частных предприятий от государственных остается неизменной, утрачивает определенность или снижается. Динамика и показатели институционализации внутри всего класса частных организаций также становятся асимметричными. Новая консолидация правящей коалиции “разводит” в разные стороны траектории частных предприятий и бизнес-ассоциаций, включая объединения бизнес-ассоциаций. Движение частных предприятий в сторону формальной институционализации приостанавливается, их социально-правовой статус, защищенность и перспективы становятся более реляционными: теперь они больше зависят от размеров предприятия, а также характера отношений с государством и его агентами (реляционные отношения).

После выборов 2003 г. возобновляется дискуссия о несправедливой приватизации. Присутствие государства в национальной экономике расширяется, в экономической политике усиливаются “дирижистские” оттенки. Участники правящей коалиции используют ослабление коллективного статуса бизнеса в собственных интересах. Начинается разрастание неопатримониальных практик на среднем и низшем уровне. Более часты случаи “захвата бизнеса” агентами государства (рейдерство). В то же время лидеры правящей коалиции понимают ценность рынка и частных предприятий: разрыва “союзных отношений” с бизнес-элитой не происходит. Этому препятствуют и достигнутый уровень институционализации частных организаций и ресурсной зависимости государства от бизнеса. Для укрепления иерархии в отношениях с бизнесом государство использует новые стратегии, призванные нейтрализовать возможные негативные эффекты ресурсной зависимости, – стратегию сдерживания и реляционные соглашения. Перспектива коллективных действий организованного бизнеса дополнительно ограничивается распространением принципа иерархии на отношения с “головными” бизнес-ассоциациями. Государство выстраивает привилегированные отношения с менее сильными ассоциациями (Деловая Россия и ОПОРа) и создает определенную дистанцию в отношениях с наиболее сильной (РСПП). По уровню своих отношений с государством первые начинают опережать вторую.

В отличие от того, что происходит в 2004–2007 гг. с частными предприятиями, динамика бизнес-ассоциаций всех типов, а также их взаимоотношений с государством по-прежнему определяется тенденцией институционализации. Продолжается численный рост и институциональное развитие отраслевых и региональных бизнес-ассоциаций. Их система выстраивается в три эшелона: первый образует “большая четверка” ведущих, второй – всероссийские отраслевые, третий – территориальные ассоциации: отделения “большой четверки” и всероссийских отраслевых в регионах, а также автономные местные объединения. Динамика многих бизнес-ассоциаций этих типов, как и бизнес-ассоциаций “большой четверки”, отличается повышающимися показателями организационного развития, свойственными “зрелым” организациям: структурная сложность, функциональная специализация, относительная устойчивость членской базы и источников дохода, высокие показатели признания. Увеличивается количество бизнес-ассоциаций, располагающих “институциональной силой”, то есть способностью оказывать влияние на поведение фирм-членов.

Реорганизация правящей коалиции в 2004–2007 гг., осложнившая положение частных предприятий, не прервала тенденции к институционализации отношений между государством и бизнесом. Формы отношений, сложившихся в предшествующий период (регулярные встречи с президентом, консультативный орган при правительстве – совет по конкурентоспособности и предпринимательству), продемонстрировали устойчивость к переменам. В отношениях между государством и бизнесом начинается новый период, который может быть назван “сотрудничеством при дефиците доверия”. Возникают более сложные институциональные формы. Можно предположить, что одной из причин возникновения совещательно-консультативной системы стало стимулирующее влияние частных организаций на развитие государственных организаций. Это соответствует тезису Норта–Уоллиса–Вайнгаста, что постоянное взаимодействие с более сложными частными организациями (в данном случае – ассоциациями и объ-

единениями ассоциаций) создает стимулы для аналогичной реорганизации самого государства.

Утверждение в отношениях с бизнесом “сотрудничества при дефиците доверия” побуждает государство к мерам, призванным компенсировать недостаточную надежность партнера. Одной из таких мер становится расширение отношений, основанных на реляционных соглашениях. Динамика бизнес-ассоциаций усложняется: формирование и организационное развитие частных организаций этого типа по-прежнему преимущественно направляется “логикой членства” (предпочтениями предприятий-членов), но в отношениях с государством эта динамика оказывается в зависимости от выстраивания отношений с новым посредником, тесно связанным с государством, – доминирующей партией (в терминологии Норта–Уоллиса–Вайнгаста – “государственно-частная организация”). Вовлечение бизнес-ассоциаций в реляционные соглашения с доминирующей партией становится третьей по времени стратегией, которую лидеры правящей коалиции используют для нейтрализации ресурсной зависимости государства от бизнеса.

Если раньше реляционные соглашения (в форме устных конвенций) определяли персоналистские связи частных предприятий с участниками правящей коалиции, то после 2004 г. соглашения этого типа становятся важными и для развития отношений бизнес-ассоциаций с государством. Заключение реляционных соглашений с доминирующей партией играет важную символическую роль (маркировка “союзнических отношений”), но в ряде случаев сопровождается переплетением на уровне руководства (Деловая Россия) и взаимным использованием ресурсов (ТПП). Фактор реляционных соглашений с государством больше проявляется применительно к бизнес-ассоциациям первого эшелона (“большая четверка”) и, во многом, к региональным и местным ассоциациям. Бизнес-ассоциации “второго эшелона” (всероссийские отраслевые) более свободны от воздействия реляционных соглашений, их отношения с государством приобретают более устойчивый и технический характер.

Распространяется практика заключения формализованных договоров о сотрудничестве между бизнес-ассоциациями различных типов, с одной стороны, и доминирующей партией – с другой. В муниципалитетах и регионах соглашения о сотрудничестве по-прежнему заключаются преимущественно с крупными фирмами: такие соглашения появляются со второй половины 1990-х гг. и испытывают влияния институционального наследия (“шефство” со стороны предприятий над различными социально-культурными объектами, практиковавшееся в советском прошлом). В регионах повышение значения нового посредника преимущественно проявляется в переключении персоналистских неформальных коалиций с участием бизнеса на отделения доминантной партии. Но в отдельных случаях федеральная практика формализованных соглашений переносится и в регионы: отделения доминирующей партии заключают такие соглашения с отделениями всероссийских бизнес-ассоциаций и местными объединениями предпринимателей.

Распространение на бизнес-ассоциации реляционных соглашений, ранее характерных для связей частных предприятий и отдельных участников правящей коалиции, не означает простого воспроизводства персонализованной патронажно-клиентельной модели. Формализация соглашений о сотрудничестве выводит отношения между государством и бизнесом на новый уровень: теперь это отношения не между конкретными людьми по поводу партикулярных благ, а между различными классами организаций, связанных с бизнесом и государством. Создаются институциональные предпосылки для деперсонализации связей и генерализации обмена между организациями, входящими в правящую коалицию, и частными организациями, выступающими в роли союзников или клиентов.

С 2007 г. начинается распространение бизнес-ассоциаций нового типа – “саморегулирующих организаций” (СРО), развитие которых демонстрирует повышенную зависимость от состояния отношений с государством. Возросшая уязвимость положения частных предприятий в сочетании с усилением значения реляционных соглашений на-

кладывают отпечаток на динамику СРО. Эту разновидность бизнес-ассоциации можно считать особенно ценной: она наделяет участников автономией от повседневного вмешательства государства и создает возможность для преодоления неопатримониальных практик. СРО сразу же становится объектом повышенного внимания других участников правящей коалиции. Цель – захват и ассимиляция этой разновидности бизнес-ассоциации узкими коалициями чиновников и связанных с ними частных предприятий. В отличие от основной части бизнес-ассоциаций, развивающихся преимущественно как “открытые организации”, многие СРО в момент своего формирования превращаются в “закрытые” образования с высокими входными барьерами и тесными связями с агентами государства, ориентированными на продолжение неопатримониальных практик в новой форме.

Другим побочным результатом повышения значимости реляционных соглашений для перспектив частных организаций становится распространение “протестных” бизнес-ассоциаций, которые пытаются взять на себя представительство интересов частных предприятий, по разным причинам “не вписавшихся” ни в персонализированные, ни в генерализованные формы отношений с правящей коалицией. Как правило, они объединяют малый бизнес, но среди них появляются и специализированные организации (основное направление деятельности – защита прав собственности). Ассоциации такого типа активно используют конфликтные стратегии и заявляют о себе преимущественно на периферии отношений с государством (в муниципалитетах, реже – в регионах). Они начинают устанавливать связи с представителями либерально-западной группы политической элиты, лишившимися места в правящей коалиции в ходе последнего раунда консолидации.

Новое партнерство с государством: четвертая стадия институционализации (2008–2012 гг.)

В отличие от предыдущих, новая реорганизация правящей коалиции сильно растянута во времени (захватывает не один, а, как минимум, два электоральных цикла) и к настоящему времени далека от завершения. Предположительно ее причиной стал кризис персонализированных форм соединения участников господствующей коалиции с властью и собственностью на основе простого “сращивания”, выступающего главным источником неопатримониальной ренты. После стабилизации “хрупкой” версии ПОД и экономического кризиса 2008–2009 гг. возникает запрос на развитие с опорой на частные инвестиции. Новая модель экономического развития требует расширения доступа на рынки и к государству, более четкого разграничения государственных и частных организаций. “Структурная зависимость” государства от бизнеса переходит на новый, более высокий уровень. (Впервые она заявила о себе в середине 1990-х гг., когда по объему накопленных ресурсов бизнес-элита стала выходить из положения клиента участников правящей коалиции.) Неопатримониальные практики становятся одним из главных препятствий для улучшения инвестиционного климата.

Многочисленны свидетельства о том, что адаптационный и стабилизирующий потенциалы неопатримониализма исчерпаны, в отдельных случаях он оказывается не в состоянии контролировать насилие и поддерживать элементарный порядок (“приморские партизаны”, “орловские партизаны”), возникают анклав “частного” (иногда – криминального) социального порядка, который фактически замещает порядок, организованный государством (станция Кушевская). Неопатримониализм начинает восприниматься руководством правящей коалиции как откровенная помеха для экономического развития. Начинают приниматься институциональные решения, направленные на лишение бюрократических групп в составе основных элит неопатримониальных свойств и восстановление эффективного контроля над ними. (Программа по борьбе с коррупцией, инициированная в 2008 г.; меры по контролю над доходами и проекты по контролю над расходами должностных лиц.)

В общих чертах новый раунд реорганизации правящей коалиции можно описать следующим образом. Центр коалиции снова усложняется, и усложнение сопровождается частичной деперсонализацией: теперь центр представлен уже не одним, а двумя лидерами (“тандем”). Составная часть реорганизации – реформа доминирующей партии. Она переводится в более конкурентный режим, новые отношения с элитами и государственными организациями, основанные на периодической ротации. Персоналистское сращивание административных, экономических и политических функций, широко распространенных в правящей коалиции, начинает дополняться системой стимулов, которая подталкивает участников к профессионализации (специализации на “профильных” функциях). Предположительно основное направление начавшейся реорганизации – рационализация и повышение продуктивности социального порядка, увеличение удельного веса новых типов специализированной компетенции (рыночной, менеджерской, политической, прикладной науки) за счет ограничения роли связей и лояльностей традиционного типа, использовавшихся при построении персоналистских патронажно-клиентельных отношений. В отличие от предыдущих раундов, реорганизация распространяется на все группы участников правящей коалиции.

В составе правящей коалиции выделяются новые восходящие группы, актуализируются старые и определяются новые противники. Среди восходящих групп: новое поколение партийной элиты, региональных лидеров и бизнеса, некоторые субэлиты (возможно, лидеры организаций, представляющих массовые группы). Во всех группах ставка делается на тех, кто ориентируется на профессионализацию. Статусные позиции представителей этих категорий укрепляются, влияние – усиливается. В роли старого противника выступает либерально-западническая часть политической элиты, выпавшая из правящей коалиции на предыдущем этапе консолидации (конец 2003 – начало 2004 г.), но остающаяся держателем важных ресурсов (символических и коммуникативных). На рубеже 2011–2012 гг. часть этой группы элиты делает новую заявку на политическое лидерство. Новый противник – неопатримониальная бюрократия в составе всех групп элиты: из важного участника правящей коалиции она превращается в кандидата на исключение.

Составная часть реорганизации – резкое расширение союзных связей правящей коалиции. Начинается повторная интеграция бизнеса, отодвинутого во время предыдущего раунда консолидации на периферию отношений с правящей коалицией. Особенность новой реинтеграции бизнеса в том, что она осуществляется одновременно с попыткой подтянуть к правящей коалиции другие группы. Доминирующая партия перестает быть безальтернативным партнером для бизнеса. В организационном плане расширение осуществляется через присоединение к правящей коалиции масштабной сети объединений ассоциаций различного типа (Общероссийский народный фронт – ОНФ). Возникает вторая большая коалиция, параллельная правящей коалиции.

ОНФ ориентирован на не-властные группы элиты (прежде всего, бизнес), отдельные группы субэлиты (носителей ценных прикладных компетенций и перспективных научных знаний), а также на лидеров общественных организаций, представляющих основные массовые категории. Фактически ОНФ – “всеобъемлющая” коалиция, соразмерная государству, концентрированная “реплика” всего социального порядка. Подобно нынешней правящей коалиции, новая большая коалиция сочетает персоналистские и организационные начала. Ее инициатором и центром также стал лидер правящей коалиции (доминирующая партия – один из учредителей), участниками – лидеры ведущих ассоциаций. Возникнув как персоналистская, вторая большая коалиция в процессе переговоров начинает приобретать определенное программное единство (общие конвенции). Объявленная перспектива развития второй большой коалиции – институционализация (превращение в формальную организацию – движение).

Начавшаяся реинтеграция в очередной раз меняет положение бизнеса относительно правящей коалиции. Возобновляется тенденция к институционализации частных предприятий, приостановившаяся в 2004–2007 гг. Укрепление социально-правового статуса частных предприятий становится приоритетным направлением деятельности

лидеров правящей коалиции. Ведущие бизнес-ассоциации оказываются участниками масштабного многостороннего реляционного соглашения (ОНФ). Возникают предпосылки для сокращения иерархии в отношениях государства с частными организациями всех типов – предприятиями и бизнес-ассоциациями. Партнерство с государством восстанавливается на более привилегированных условиях по сравнению с периодом 2000–2003 гг. Но, как и тогда, в состав правящей коалиции элита бизнеса не включается. Более того, меры по реорганизации правящей коалиции могут сделать ее более закрытой для представителей бизнеса в индивидуальном качестве (институциональные стимулы, ориентирующие высокопоставленных чиновников и депутатский корпус на профессионализацию и постепенный отказ от вспомогательных видов деятельности). Сближение государства и бизнеса происходит в новых формах: в отдельных секторах госполитики возникают новые практики и новые протоинституты, совместно создаваемые и совместно управляемые представителями бизнеса, включая бизнес-ассоциации, и агентами государства.

Динамика развития бизнес-ассоциаций в данный период характеризуется возросшим уровнем и расширением спектра активности. Крупные бизнес-ассоциации начинают брать на себя новые функции по защите прав собственности (Деловая Россия), которые ранее ими игнорировались и осуществлялись только ассоциациями “протестного” типа. В регионах наблюдаются попытки самостоятельной консолидации бизнес-ассоциаций (Конгресс бизнес-ассоциаций азиатской России), в различных секторах рынка – разнообразные проявления “горизонтальной” координации бизнес-ассоциаций (соглашения о сотрудничестве, создание межотраслевых объединений).

Больше всего изменений происходит в отношениях между государством и бизнесом. С конца 2009 г. государство берет “новый курс” на сближение с бизнесом. Политическая система становится более открытой для предпочтений частных предприятий. Формы политического участия бизнеса становятся более разнообразными. Предприниматели инициируют новые политические проекты, включая проекты создания новых политических партий. Поведение бизнес-ассоциаций в отношениях с государством становится более активным и независимым, расширяются связи с политическими партиями (уже не только с доминантной партией). В муниципалитетах и регионах в отношениях власти и бизнеса чаще возникают конфликты. Их участниками оказываются не только бизнес-ассоциации “протестного” типа, но и отделения “большой четверки”, в некоторых случаях – центральная организация (ОПОРа). Возросшая автономия бизнес-ассоциаций в регионах не исчерпывается конфликтными стратегиями. В ряде случаев бизнес-ассоциации переходят к активному сотрудничеству с муниципальными и региональными властями (ОПОРа) или начинают самостоятельно создавать совещательные структуры, дублирующие уже существующие, действующие под руководством органов власти, но утратившие доверие бизнеса (Санкт-Петербург). Сигналы и стимулы из федерального Центра ориентируют обновленный в кадровом отношении губернаторский корпус на сотрудничество с бизнесом.

В самом федеральном Центре наиболее важное изменение – более глубокое вовлечение бизнес-ассоциаций в формирование и реализацию государственной политики. В отношениях между государством и бизнесом возникает качественно новая ситуация: появляются устойчивые области совместной деятельности, в которых государство и “сложные” частные организации получают возможность постоянно пользоваться ресурсами, контролируемые другой стороной. Объединенными усилиями государства и бизнеса начинают создаваться новые государственно-частные организации (Агентство стратегических инициатив, бизнес-омбудсмен) и новые инструменты экономической политики (оценка регулирующего воздействия, реформируемые общественные советы при федеральных министерствах и ведомствах). Перенос новых форм отношений между государством и бизнесом из федерального Центра в регионы идет более активно по сравнению с предыдущим периодом.

В контексте более тесного сотрудничества государства и бизнеса следует рассматривать и возникновение ОНФ: перспектива усиления ресурсной зависимости государ-

ственных организаций от частных (повышенная заинтересованность в частных инвестициях, высокий спрос на обобщенную информацию, обобщенную компетенцию, отчасти – потенциал координации и институциональную силу) уравновешивается более глубоким и масштабным вовлечением бизнес-ассоциаций в сотрудничество с правящей коалицией и выстраиванием новой системы равновесия, закрепляемой новой реорганизацией правящей коалиции. Формат ОНФ позволяет уравновесить бизнес-ассоциации другими организованными силами: доминантной партией и общественными организациями, представляющими различные субэлиты и массовые социальные категории. Включение ведущих бизнес-ассоциаций в многостороннее реляционное соглашение – четвертая по времени стратегия, которую лидеры правящей коалиции используют для нейтрализации ресурсной зависимости государства от бизнеса.

В случае успешного завершения новая реорганизация правящей коалиции способна серьезно повлиять на динамику отношений между государственными и частными организациями. Заинтересованность лидеров коалиции в вытеснении неопатримониализма создает перспективу укрепления независимости частных предприятий, независимости и влияния политических партий (прежде всего, доминирующей), а также влияния ассоциаций и объединений ассоциаций (включая бизнес-ассоциации) для контроля над государственными организациями всех уровней (муниципальных и региональных властей, федеральных министерств и ведомств). В терминах Норта–Уоллиса–Вайнгаста новая реорганизация правящей коалиции может создать предпосылки для перехода к “зрелой” версии ПОД.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Земцов И. Партия или мафия. Разворованная республика (Советский Азербайджан при Ахундове и Алиеве). Paris, 1976.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.

Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом и политической и экономической деятельности. М., 2012.

Радаев В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике. М., 2001.

Система представительства российского бизнеса: формы коллективного действия. М., 1997.

Яковлев А.А. Агенты модернизации. М., 2006.

Grossman G. The “Second economy” of the USSR // *Problems of communism.* 1977. № 5.

Hensell S. The Cop as a Robber? Police Administration and Patrimonial Practices in Eastern Europe // Paper to be Presented at the Workshop “Neopatrimonialism in Various World Regions” August 23, 2010, GIGA. Hamburg, 2010.

Katsenelinboigen A. Coloured Markets in the Soviet Union // *Soviet Studies.* 1977. Vol. 29. № 1.

Radaev V. Establishing Trust in a Distrustful Society. The Case of Russian Business // *Trust and Entrepreneurship: a West-East Perspective.* Cheltenham (UK)–Northampton (Mass.), 2005.